

День был снова бесснежным, темным, незаметно перетекшим в ночь. И только под утро пришел сон.

Я стою в соборе на службе. Всенощную ведет наш Патриарх Пимен. По правую руку от меня — древняя схимница Елена, постриженница святого Амвросия Балабановского: маленькая и хрупкая как ребенок.

По левую, чуть одаль — статный мощный старик. Он крестится сразу обеими руками, будто препоясывается туго. Это архиерей на покое. Здесь он проездом в свой дальний монастырь, где живет простым иноком и трудится наравне со всеми.

Впереди стоит старенькая, неизменная на своем месте Анна Иванов-

на. У нее — ясно-голубые, что небо в июньский полдень, глаза и тихий добрый взгляд. Она одета всегда скромно и в то же время по особому нарядно. Тонкий вкус и чистота отличают ее. Вот эта серобелая блузка с кружевным волнистым воротником так ей к лицу! Анна Ивановна — внучка последнего царского министра просвещения. Что ей пришлось вынести смолоду, знает только она. А любимая привычка ее — что-нибудь дарить, чем-нибудь делиться. Вот сейчас после службы она подойдет и протянет кусочек хлеба, припасенный от елеопомазания.

Рядом с нею — мой друг Саша, режиссер. Недавно он поставил спектакль-событие по рассказам Федора Абрамова. Саше исполнилось сорок, он отпустил бороду лопатой и скоро уйдет из театра, поступит в храм рядовым алтарником, чтобы не расставаться со службами.

А сзади и немного наискось от меня молится девушка лет шестнадцати: тонколицая красавица с привольным и сильным разлетом черных бровей и глубоким почти неподвижным взглядом. Она вытянулась в струну и напряженно ловит каждое слово службы. Ей хочется взмахнуть, унести себя свободно в то не видимое, но чувствуемое пространство без начал и концов.

Да, все мы здесь — навсегда родные и вечные. И мы это понимаем. Потому так теплы и спокойны глаза и лица. И даже вон тот полковник в отставке, навязанный властями как староста прихода и доносящий обо всем, также привычен и вынужденно свой.

Певчие на хорах раскатали, сплывили голоса в едином знаменном распеве — все выше, выше, полней и шире! И всех нас, кроме старосты, проверяющего выручку, будто поднимает под самый купол.

На солею вышел из алтаря Пимен. Благословляет свечами. Мы склоняем головы, а сами словно смотрим на себя сверху...

Наш старец Пимен: строгий-строгий взгляд, отобранные слова. Никогда не говоришь ты от себя, но всегда — от святых Писаний. И эти слова глубоко открывают вдруг содержание именно сегодняшнего дня: смутные дали путаной жизни проясняются, сердце успокаивается. Таково действие твоих бесед, владыко.

Пимен-Пимен, ты испытал в жизни все. Подмосковный юноша с дворянской фамилией Извеков выбрал послушание Церкви в самые трагические годы. Смолоду — тайный посланец в тюрьмы и лагеря к архиереям. Ты развозил тайные письма с размышлениями о том, как выжить, устоять Церкви перед лицом полного разгрома и запрещения.

Тебя написал в своей великой картине «Русь уходящая» Павел Корин. Тебя арестовывали, допрашивали, и ты не выдавал.

Ты прошел страшную войну сержантом-связистом и выжил там, где погибали почти все. От тех лет вынес боевые награды и четыре ранения. А после, настоятелем, селил в Псково-Печерской обители гонимых служителей, монахов-лагерников. При тебе обитель возродилась как наша духовная крепость. И ты всегда был под особым надзором у властей, вязавших в действие, запрещавших говорить от себя. Но и в плену у них ты старался удерживать то небольшое последнее, что оставалось в храмах от духа православного.

Свои тебя тоже не щадили. Сколько грязи, нелепых обвинений, доносов и просто лжи опрокинуто на твое имя нынешними управителями церковной организации. И это было трудней всего переносить. Тебя, строгого монаха, за спиной обвиняли в духовном невежестве и тайном монархизме и прослушивали твои телефонные разговоры. А перед самой кончиной, когда ты болел и почти не выходил, винули уже во враждебности "демократии".

Тебя выставляли корыстным, а ты ничего не имел. Даже келья, казенная квартира, не была твоей. Да и помогал тебе по жизни единственный инок Серафим, внук замечательного духовного писателя, катакомбного исповедника Пестова и будущий епископ Новосибирский Сергей. Но шире всего тебя обвиняли в злости и гонениях на передовую мысль церковных деятелей, идущих в ногу со временем. А народ шел и шел к тебе!

В тот день, когда мы расставались, вся площадь и улицы были переполнены. Ехали со всех концов страны только затем, чтобы попасть в собор, попрощаться. Я помню твою отеческую руку, когда прикоснулся к ней губами в последний раз. Она была теплая-теплая и белая, как у живого.

А после тебя везли в Лавру. Везли в стареньком микроавтобусе РАФе без машин сопровождения, почти тайно. Мы рассчитали время, когда проедут по шоссе мимо нашего дома. Тихая старица Елена, ей минуло девяносто два года, надела полное облачение. Поверх камиллавки покрылась схимой с вышитыми белым по черному знаками Голгофы, взяла свой суковатый посох, и я повел ее к дороге.

Мы стояли долго и молились. Узнали автобусик только потому, что внутри были три монахини и венок. Машина двигалась небыстро, и сестры успели заметить нас. Приникли к стеклам, заплакали и закрестили матушку. А та в ответ благословила их. Так мы расстались...

Под утро я проснулся, проснулся на миг. За окнами — тьма. К чему бы этот сон?.. Ах, да! Скоро праздник — надо идти на службу...

...Сон вернулся. Это уже не было продолжением, хотя опять я — в том же соборе. Но служит другой, из тех, кто писали доносы на Пимена под псевдонимом «Дроздов» — мальчик с дворянской фамилией, росший не в России и в войну выживший под фашистами-антихристианами, когда в тех церквях гласно просили победы германскому оружию.

Вот он выходит на солею, благословляет свечами. Все опускают головы, сгибают спины. Хор поет красиво, многоголосо. Начинается речь о социальных и материальных успехах и трудностях церковной организации.

Справа от меня стоит броско покрашенная про.....ка. Слева — вчерашний партфункционер, ставший госчиновником. Впереди — низенький толстый приватизатор, а сзади — начинающий бандит-«качек». Всех собрала здесь гнетущая забота о благополучии, здоровье и долгих годах жизни.

На клиросе — тесная группа солидных мужчин со свечками. Это сотрудники спецслужб, по совместительству управляющие страной и ее богатствами. А сзади, в притворе, живо переговариваются заблуждавшиеся из любопытства юные наркоманы и гомосексуалисты.

По периметру вдоль стен прохаживаются телохранители двухметрового роста в костюмах и при галстуках. На груди — переговорники. Поверх толпы мужчины профессионально вглядываются в лица собравшихся.

У собора — чуть не взвод омовцев с автоматами. Один из бойцов застыл на посту у сияющего черного лимузина. Ствол направлен в грудь проходящих. Второй оберегает баки со святой водой во дворе.

А весь город украшен афишами фильма, где модные актеры в подрысниках играют в жизнь монахов, и где от иудина греха до святости — всего шаг. Этот шаг легко доступен любому, буде у кого появится к тому охота. И за это киносьемщикам другой выдал награды...

...Я проснулся вновь. К чему этот сон?.. Ах, да! Скоро праздник, и надо бы на службу...

За окнами просветлело: там сыпал, наконец, снег. Рыхлые крупные хлопья, величиной с добрый пятак, поднимались вверх. И вдруг пришли на сердце стихи Блока:

*«Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.»*

*Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.*

*И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.*

*И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам,— плакал ребенок
О том, что никто не придет назад».*